

Н. И. Кареев

**Литературная эволюция на
Западе**

**Очерки и наброски из теории и
истории литературы с точки
зрения не специалиста**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Кареев**
Литературная эволюция на Западе: Очерки и наброски из теории и истории литературы с точки зрения не специалиста / Н. И. Кареев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 346 с.

ISBN 978-5-518-01387-2

ISBN 978-5-518-01387-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НА ЗАПАДѢ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЛИТЕРАТУРА И ЕЯ ЭВОЛЮЦИЯ.

Я намѣренъ въ этихъ главахъ приложить научное понятіе эволюціи въ области литературы и ея исторіи: это общая часть предлагаемаго читателямъ очерка. Затѣмъ въ частности разсматривается à vol d'oiseau исторія западно-европейской литературы до торжества французскаго классицизма въ вѣкъ Людовика XIV: цѣль этого обзора—иллюстрація общихъ положеній на примѣрахъ и примѣненіе отвлеченной теоріи къ фактамъ. Специальнаго изслѣдованія или того, что могло бы замѣнить учебникъ, читатель не найдетъ въ этомъ очеркѣ: это—общее разсужденіе, въ которомъ главную роль играютъ не факты, а идеи.

I.

Вы знаете, конечно, что значить самое слово—литература, и до того часто употребляете его въ разговорѣ, что оно не имѣетъ для васъ характера технического термина, нуждающагося въ подробномъ объясненіи. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ на нѣкоторое время занять ваше вниманіе не чѣмъ инымъ, какъ именно выясненіемъ того значенія, въ какомъ буду употреблять это слово. Я постараюсь добиться того, чтобы вы со мною согласились, а для этого недостаточно простаго заявленія, содержащаго въ себѣ голое опредѣленіе предмета: его нужно развить и доказать если не абсолютную его правильность, — это такъ трудно для словъ съ колеблющимся значеніемъ и для понятій

съ содержаніемъ, способнымъ расширяться и суживаться,—то относительную его пригодность для извѣстныхъ цѣлей.

Начинаю я съ этого именно потому, что рѣчь будетъ идти о литературѣ, а слово и выражаемое имъ понятіе какъ-разъ не имѣютъ точной опредѣленности ни въ разговорномъ употребленіи термина, ни,—что особенно важно,—въ научномъ понятіи, обозначаемомъ терминомъ. Но въ виду того, что разсужденія о словахъ всегда довольно-таки скучны, я похлопочу о томъ, чтобы недолго задерживать васъ на этомъ предметѣ и изложить его въ связи съ своимъ взглядомъ на сущность дѣла.

Слово «литература» употребляется нами въ двухъ смыслахъ: одинъ болѣе тѣсный, другой болѣе широкій. Когда мы предпочитаемъ, вмѣсто иностраннаго выраженія, употребить русское, хотя не вполне, быть можетъ, ему соответствующее, но во всякомъ случаѣ могущее его замѣнить, то говоримъ о «словесности» или «письменности»; смотря по тому, имѣемъ ли въ виду болѣе тѣсное или болѣе широкое значеніе слова. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы пользуемся терминомъ для обозначенія того, что по-русски называемъ словесностью, то противопологаемъ литературу, напр., философіи и наукъ: объ одномъ произведеніи мы говоримъ, что оно литературное, о другомъ—что оно философское или научное; въ некоторыхъ произведеніяхъ философскаго или научнаго содержанія мы отыскиваемъ литературныя достоинства и т. п. Что иное можетъ это значить, какъ не то, что мы специализируемъ въ этихъ случаяхъ понятіе литературы? Но въ то же время мы говоримъ о литературѣ философской или научной, въ частности—о литературѣ по математикѣ или зоологій, по географіи или исторіи, а это указываетъ на то, что въ этихъ случаяхъ мы придаемъ термину болѣе иной характеръ, нежели тогда, когда противопологаемъ литературу философіи и наукъ. Съ выраженіемъ «словесность» этого не случается: его употребленіе ограничено,

тѣснѣе: вы скажете, пожалуй, иногда—«наука, философія и словесность», но было бы противно, такъ сказать, обычаямъ нашего языка—говорить о словесности философской или научной; о словесности математической или зоологической, о географической или исторической. Не вдаваясь въ разборъ того, вездѣ ли и всегда ли оба термина—словесность и литература (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ) покрываютъ одно другое, и позволю себѣ обратить ваше вниманіе на то, что лучшаго синонима, какъ словесность, для одного значенія слова «литература» вы въ русскомъ языкѣ, пожалуй, не найдете, хотя вѣтъ еще далеко не опредѣляется самое понятіе: и синонимъ просить для себя опредѣленія. Поставимъ теперь, вмѣсто нашего иностраннаго слова, русское «письменность». Попробуйте сказать—«наука, философія и письменность»: вы чувствуете здѣсь какую-то неловкость, это не въ обычаяхъ нашего языка. Попробуйте, наоборотъ, говорить о письменности философской или научной, о письменности математической, зоологической, географической, исторической: хотя и это не въ обычаяхъ нашего языка, но, вѣроятно, имъ не противорѣчатъ,—по крайней мѣрѣ, особенной неловкости вы здѣсь не ощущаете. Опять не стану я разбирать, почему выраженія «литература» и «письменность» не могутъ назваться вполне синонимами: укажу только на одно то, что не все письменное можетъ быть названо литературнымъ даже въ широкомъ смыслѣ, и никто не отнесетъ къ понятію литературы такіе памятники, каковы *Leges barbarorum* или Русская Правда, *Magna charta libertatum* или французская конституція 1791 года.

Прошу васъ не смотреть на этотъ разборъ терминовъ, какъ на схоластическую игру словами: въ наукѣ нужна точность и опредѣленность; а пока этой точности и опредѣленности не будетъ въ нашемъ случаѣ, мы не будемъ знать, что же въ сущности—истинный предметъ исторіи литературы, у насъ не будетъ резоннаго отвѣта на вопросъ, какіе письменные памятники

могутъ считаться литературными произведеніями и всякая ли литература должна, разсматривалась историкомъ литературы. Последъ этой оговорки, я думаю, мнѣ позволено, будетъ еще немного времени задержать васъ на толкованіи словъ.

Вы, конечно, согласитесь со мною, что литературой народа нельзя назвать все, написанное на его языкѣ, всѣ грамоты и акты, хартии и документы, всѣ дѣловыя бумаги и записи. «Я охотно, говоритъ Тэнъ въ своей Исторіи англійской литературы, — я охотно отдаю пятьдесятъ томовъ хартій и сто томовъ дипломатическихъ нотъ за мемуары Чедлини, за посланія ая Павла, за застольныя бесѣды Лютера или за комедіи Аристофана. Охотно мы даримъ, что намъ необходимо самимъ: исторію литературы, дѣйствительно, во всѣхъ этихъ томахъ непосредственно дѣтъ никакого проку. Цѣлый отдѣлъ письменныхъ памятниковъ, — позволете назвать ихъ дѣловыми, — мы исключаемъ изъ понятія литературы: все дѣловое пишется не для простаго чтенія, а для закрѣпленія на бумагѣ того, что слѣдуетъ помнить для определенныхъ практическихъ цѣлей, — съ чѣмъ можно справиться и на нто сослаться. Для чтенія предназначается романъ, философская или научная книга, ко чтеніе замѣняетъ въ давномъ случаѣ болѣе раннее слушаніе гомерическихъ расподій или нашихъ быдлицъ, о богатыряхъ, — и слушаніе, дожившее до нашихъ дней, слушаніе проповѣди въ церкви, лекціи, въ аудиторіи, чтенія на литературномъ вечерѣ, драмы, или комедіи на сценѣ. Веду я эту рѣчь къ тому, что письменность въ этомъ дѣлѣ играетъ только роль способа сохранения и распространенія произведеній литературы: послѣднія могутъ удерживаться прямо въ памяти и передаваться просто въ устной рѣчи. Съ другой стороны, искусство письма, — конечно, и печати, какъ усовершенствованнаго письма, — служитъ для закрѣпленія на камнѣ, металлѣ, папирусѣ, пергаменѣ или бумагѣ не одного того, что предназначено для слушанія ради удовольствія или поученія, но и того, что

закрѣпляется для памяти и въ виду опредѣленныхъ практическихъ интересовъ. Только первое есть произведение, второе есть записъ и документъ.

Надѣюсь, что этими немногими словами я выдѣлилъ изъ письменности литературу: записаны могутъ быть произведенія, предназначенныя сначала для слушанія ихъ въ устной передачѣ, они могутъ быть прямо написаны для чтенія; пишутся для памяти замѣтки и для извѣстныхъ практическихъ цѣлей документы, а произведенія литературы назначаются именно для слушанія или чтенія.

Произведенія литературы,—но не чувствуете ли вы, что выраженіе это получаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, если мы поставимъ второе слово въ формѣ прилагательнаго и скажемъ—«литературное произведеніе»? Никто не станетъ спорить противъ того, что кантова Критика чистаго разума есть произведеніе литературы, и только немногіе, быть можетъ, прибавятъ—«философской литературы», но едва ли не большинство непременно выскажется противъ того, чтобы называть Критику чистаго разума произведеніемъ литературнымъ: нѣтъ, это—философское произведеніе, возражать, конечно, вамъ. То же случилось бы и съ книгой Дарвина О происхожденіи видовъ, только здѣсь вы будете говорить о наукѣ, а не о философій. Вотъ этотъ-то оттѣнокъ и важно изслѣдовать, но порѣшить дѣло тутъ двумя-тремя словами невозможно.

Я сказалъ вамъ, что, по моему, произведенія литературы записываются и пишутся для пріятнаго или поучительнаго чтенія: для такого чтенія предназначался и любой изъ романовъ Тургенева, и Критика чистаго разума Канта, и О происхожденіи видовъ Дарвина, и въ этомъ смыслѣ всякимъ произведеніемъ,—беллетристическимъ, философскимъ и научнымъ—принадлежитъ мѣсто въ литературѣ народа. Это и есть литература въ широкомъ смыслѣ: она почти совпадаетъ съ письменностью народа, если подъ этимъ именемъ не разумѣть и всего, что пишется въ практи-

ческих дѣлахъ жизни, начиная отъ конституцій и законовъ, дипломатическихъ нотъ и торговой переписки и кончая объявленіями въ газетахъ, счетами изъ ресторановъ и вывѣсками надъ магазинами. Но мы говоримъ еще: «это—литература, а это—философія и наука; это—произведеніе литературное, а это—философское или научное». И тѣ, и другія предназначены для пріятнаго и поучительнаго чтенія,—въ чемъ же разница? Если кто-нибудь, поторопившись, подсказалъ бы мнѣ, что литература существуетъ для пріятнаго чтенія, а для поучительнаго—философія и наука, то я не замедлилъ бы отвѣтить, что доля истины тутъ есть, но только доля, а потому не вся истина. Только пріятное чтеніе—литература, но это значитъ отнимать у литературныхъ произведеній всякую поучительность: передъ вами словно носится одно изъ воспоминаній со школьной скамьи, вы помните, какъ сравнивалъ Державинъ поэзію съ вкуснымъ лимонадомъ въ лѣтнюю жару, и какъ вашъ учитель словесности распространялся на ту тему, что на поэзію нельзя смотреть, какъ на пріятную забаву. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какого рода поученіе заключаетъ въ себѣ литература, я возражаю лишь противъ опредѣленія—«только пріятное чтеніе». Но вы, несомнѣнно, не придете и къ той мысли, что чтеніе философскихъ и научныхъ сочиненій только поучительно, но нисколько не пріятно: вы не раздѣляете извѣстнаго мнѣнія о корняхъ и плодахъ ученія, а ученіе-то и состоитъ въ чтеніи ученыхъ и философскихъ книгъ; вы лично должны были испытывать, какое наслажденіе доставляли вамъ своими трудами великіе мыслители и основательные изслѣдователи. Значитъ, и это—неправда, что философія и наука доставляютъ только поучительное чтеніе.

Я пойду и дальше. Предположимъ, вамъ сказали: не слѣдуетъ такъ рѣзко раздѣлять; и тамъ и здѣсь есть пріятное и поучительное, но на одной сторонѣ преобладаетъ одно, на другой—другое. Что скажете вы на это? Если вы пороетесь въ личномъ опытѣ, то вспомни-

те, что иной романъ доказался вамъ поучительнѣе иной ученой диссертаци, а иной философскій трактатъ вы читали съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ иную драму. ...

По возможности нужно всегда стремиться къ опредѣленности и не бояться упрека въ педантизмъ. Мы говоримъ—приятное, поучительное,—но ставимъ ли мы вопросы: въ чемъ и для кого? Нѣтъ ничего на свѣтѣ приятнаго или поучительнаго самого по себѣ и для самого себя или, какъ говорятъ нѣмцы, *an und für sich*. Въ приятномъ и поучительномъ есть нѣчто, что дѣлаетъ его приятнымъ и поучительнымъ, и адимъ нѣчто дорожатъ всѣ или нѣкоторые люди, многие или только немногіе. Мы кажется, что тутъ-то, на этой относительной почвѣ, а не въ безусловномъ абстрактѣ нужно брать понятіе литературы въ томъ болѣе тѣсномъ значеніи, въ какомъ мы противопоставимъ ее философи и наукѣ.

Итакъ, станемъ на точку зрѣнія читателей, для которыхъ пишутся литературныя, философскія и научныя сочиненія. Масса читателей беретъ въ руки книгу, чтобы съ удовольствіемъ провести время: отъ книги требуютъ, чтобы она нравилась,—и масса набрасывается для этого именно на литературу, а не на философию или науку. Книги философскія и научныя не случаются и не читаются болѣе ограниченнымъ кругомъ лицъ, спеціально интересующихся вопросами знанія: для нихъ чтеніе не время-препровожденіе, а занятіе; въ книгѣ эти лица ищутъ прежде всего поученія на счетъ фактовъ, метода, идей, чтобы книга, что-либо прибавляла къ прежнему знанію, его уясняла или систематизировала. Вотъ въ чемъ и заключается та доля истины, о которой я сказалъ.

II.

Мы еще лучше представимъ себѣ различіе это, если вообразимъ себѣ не читателей, а слушателей и слушателей не теперешнихъ, умѣющихъ читать и часто слушающихъ чтеніе по книгѣ, а, такъ сказать, пер-

вобытныхъ, жившихъ, когда искусство письма или не было еще изобрѣтено, или было еще мало распростра-нено, или имѣло сравнительно мало примѣненія. Отрѣшимся на время отъ современныхъ взглядовъ и перенесемся въ обстановку далекаго отъ насъ вѣка.

Мы поставимъ этимъ вопросъ о сущности литературы въ тѣсномъ смыслѣ прямо на эволюціонную точку зрѣнія, на точку зрѣнія, съ которой застывшія въ своей опредѣленности понятія не представляютъ извѣстнаго круга явленій въ ихъ развитіи, съ которой научныя понятія берутъ вещи не въ тотъ или другой моментъ ихъ бытія, а на протяженіи длиннаго пути измѣненій, сопровождавшихъ ихъ развитіе. Было бы, конечно, странно говорить о литературѣ въ эпохи, когда еще не существовало письменности, но искать въ нихъ извѣстныя явленія, соотвѣтствующія литературѣ, — какъ зародышъ соотвѣтствуетъ развитому организму, — не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго: зародыши всѣхъ явленій нашей сложной и разнообразной жизни, всѣхъ дѣятельствъ нашихъ и всѣхъ результатовъ этихъ дѣятельствъ мы можемъ найти въ болѣе простыхъ и однообразныхъ явленіяхъ примитивной человѣческой жизни. Конечно, тогда не было литературы въ нашемъ смыслѣ, но было иѣчто, что играло такую же роль и безъ чего не было бы нашей литературы.

Попробуйте разсмотрѣть исторію юридическихъ документовъ, восходя отъ современности къ самому отдаленному прошлому: вы увидите, что до начала дѣловой письменности, положимъ, нашихъ гражданскихъ сдѣлокъ, роль законной формы письменнаго акта исполняетъ извѣстный символическій обрядъ, и самая сдѣлка официально закрѣпляется въ памяти не списаніемъ протокола, а призывомъ свидѣтелей, на которыхъ можно было бы потомъ сослаться, какъ мы ссылаемся на какуюнибудь вѣчную вѣрность, составленную законнымъ порядкомъ и въ законной формѣ. Попробуйте сдѣлать то же самое съ исторіей философіи или науки: въ концѣ концовъ вы придете къ традиціоннымъ рели-

грознымъ мировоззрѣніяхъ или жалкимъ техническимъ свѣдѣніямъ, прекрасно удерживавшимся въ памяти и не представлявшимъ никакихъ неудобствъ при устной передачѣ.

Вотъ это-то приглашаю я васъ сдѣлать и по отношенію къ литературѣ. Вы читаете теперь романъ; но у этого романа есть очень отдаленный предокъ, поэтическая былина, сказка: вдругъ пѣвца или рассказчика, удержавшаго сюжетъ въ своей памяти и умѣющаго передать его въ той формѣ, какую придадо ему творчество фантазіи и мысли, собирается толпа слушателей; она ищетъ въ пѣснѣ и сказаніи того же, чего вы ищете, читая романъ или поэмю; ее интересуетъ не показаніе свидѣтели какой-либо сдѣлки, видѣннаго совершеніе извѣстнаго символическаго обрада, ей хочется узнать не объясненіе того, какое божество владѣть громами и молніями, не того, куда уходитъ духъ человѣка, оставляя тѣло, не того, гдѣ лучше выслѣдить того или другаго звѣря, зная его обычаи и привычки, — его интересуетъ рассказъ объ удивительномъ подвигѣ, совершенномъ божествомъ или героемъ, поэтическое изображеніе битвы громовержца съ враждебными духами, необыкновенная исторія какого-либо человѣка, повѣсть о лисицѣ, надувшей волка; выраженіе состояній нашей души, когда мы идемъ въ битву или прощаемъ на костеръ либо въ могилу трушъ дорогаго человѣка. Все это становится интереснымъ, когда передается въ извѣстной формѣ, когда фантастическіе или реальныя образы и сюжеты являются способными привлечь къ себѣ вниманіе, когда другой сообщаетъ не просто о существованіи факта, даетъ не простое объясненіе явленія, не простое указаніе на то, какъ существуетъ та или другая вещь и какъ слѣдуетъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, но когда онъ захватываетъ болѣе или менѣе всего человѣка, дѣлаетъ его неравнодушнымъ зрителемъ картины и прѣобщаетъ его къ извѣстному настроенію духа. Не мѣсто здѣсь разсматривать генезисъ того интереса и чувства, съ которыми слушались

ранних эпических былин и сказки, складывались не столько для выражения внутренних движений человеческой души; мы беремъ только фактъ, а фактъ этотъ — первобытная поэзія.

Въ ней, въ этой первобытной поэзіи, и слѣдуетъ видѣть эмбрионъ и основу нашей литературы. Когда было изобрѣтено искусство письма; имъ стали пользоваться для разныхъ цѣлей: символическіе обряды отдѣльно замѣнили письменными документами, память о событіи стала закрѣпляться посредствомъ письма, обычай первобытнаго права и новыя постановленія и рѣшенія относительно уклада социальной жизни начали записываться вмѣстѣ съ традиционными религиозными воззрѣніями и обрывками примитивныхъ вѣній или съ новыми результатами, добытыми послѣдующею мыслію, — эта область письменности все болѣе и болѣе расширялась до появленія нашихъ записныхъ книжекъ и частной переписки. Искусство письма было примѣнено и къ области поэзіи: первоначальныя произведенія, хранившіяся въ памяти пѣвцовъ и разсказчиковъ, стали закрѣплять на бумагѣ; пѣвца и разсказчика смѣнилъ писатель; на смѣну слушателей пришла читатели. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ въ чемъ.

Вы, конечно, знаете, что первобытная жизнь была крайне проста и несложна; она не нуждалась въ архивахъ; въ которыхъ хранились бы хартии и документы; ея событія легко удерживались въ памяти дѣлхъ поколѣній, особенно сдѣлавшихся предметомъ поэтическаго бытія; ея право не могло наполнить собою цѣлаго кодекса законовъ, а религія и знанія — дать содержаніе большимъ трактатамъ. За исключеніемъ того, что давала опружающая дѣйствительность съ ея фактами и идеями, все, что только помнилъ, зналъ и вѣдалъ человѣкъ, сохраняла въ себѣ его поэзія закрѣпленная въ извѣстныя формы. Въ поэзіи находили себѣ мѣсто и традиціонныя міровоззрѣнія и традиціонныя знанія; въ ея общедоступныхъ формахъ заключалось все общественное въ жизни и мысли; въ ней не